

НАСМЕШЛИВЫЙ МУДРЕЦ

Таинственная природа смеха клоуна Леонида Енгибарова

Мария Романушко

ПРИРОДА комического не проста. Великий комик порой заставляет не смеяться, а плакать. Таким был Чарли Чаплин. А у нас, в России, — Леонид Енгибаров. Клоун-мим, не произносивший на манеже ни слова... Вот уже более четверти века прошло, как его нет. Но по-прежнему некого поставить рядом. Как некого было поставить и тогда, когда он был жив и ежевечерне выходил на красный круг манежа.

Он говорил: «Я выхожу на манеж не для того лишь, чтобы смешить «уважаемую публику». Я выхожу на манеж для того, чтобы говорить с «уважаемой публикой». Одна газета назвала меня «клоуном с осенью в сердце». Это приятно. Потому что осень — это раздумье. А ведь без раздумья, замечу вам, без самого серьезного отношения к жизни нет и не может быть настоящего клоуна. Об этом я помню каждый день, каждый вечер...»

Я была на спектакле в цирке на Цветном бульваре 22 апреля 70-го года, когда каждый второй в зале сидел с новенькой медалью на груди, выпущенной к столетию со дня рождения В.И. Ленина. И вот на манеж вышел клоун Леонид Енгибаров. И стал показывать свой знаменитый номер с катушками. Он виртуозно балансировал, постепенно наращивая пирамиду из катушек. С каждой новой катушкой награждал себя медалью. И постепенно оказывался увешанным медалями с ног до головы, как тогдашний генсек. Смех в зале стоял просто гомерический... Казалось, что номер подготовлен именно к этому дню, хотя он был в репертуаре Енгибарова уже несколько лет. Кто, кроме клоуна, мог заставить сотни людей смеяться над собственным рабством?..

У Андрея Вознесенского есть потрясающие строки, мне всегда казалось, что они о Енгибаре:

Вы думаете, я шут?

Я — суд!

Я — страшный суд.

Молись, эпоха!

Многие на Енгибарова действительно молились. Именно за это его бесстрашное юродство.

...В темноте Енгибаров выходит на манеж, с мятой зековской тарелкой под мышкой, и в слепящем луче прожектора, как будто под прицелом недремлющего ока, идет по барьеру... Вспыхивает свет. На манеже появляется партнер во фраке и белых перчатках. Нет, это не партнер, это — антипод. С деревянной осанкой и маской отчуждения на лице. Как не узнать «гражданина начальника»? Енгибаров убегает за кулисы и тут же возвращается — тоже во фраке и перчатках, но фрак длинен и мешковат, а перчатки огромны и скомканны. Ах, как же он смешон в этом нелепом одеянии!

А дальше начинается самое страшное (стало быть, самое смешное). Антипод предлагает Енгибарову пожонглировать тарелками. Сверкая белыми перчатками, он с бесстрастным изяществом показывает, как это нужно делать. Клоун радостно хватается за тарелки, но одно неловкое движение — и на манеж летят осколки...

На лице клоуна — буря переживаний: испуг, потрясение, мольба... Он просит дать ему еще шанс. Хотя бы один! Но разбивается вторая тарелка, третья, четвертая...

И вот разбивается последняя тарелка — последний шанс. Все, финита для комедии. Енгибаров стаскивает перчатки, снимает фрак, остается в полосатой фуфайке, поднимает свою мятую жестяную тарелочку с манежа. Вот она, его реальность. В зале гаснет свет. И клоун уходит с манежа в полной темноте...

А зрители утирают слезы. Что это было? Блестящая клоунада? Политический памфлет? Философское эссе? Конец грустный. Но герой уходит непобежденным. Поражения не ощущается. Потому что и герой, и мы вместе с ним смеялись. А побежденные не смеются.

Енгибарова недолюбливали коллеги-циркачи. Из ревности. Зрители шли «на Енгибарова». А цирковое начальство его боялось. Считало неблагонадежным. Особенно после триумфа в Праге в 1964 году. Там на Международном конкурсе Леонид Енгибаров был признан лучшим клоуном мира. Много лет в Праге был (а может, есть до сих пор) Клуб поклонников Енгибарова.

Успех в Праге сделал Енгибарова невезедным. До перберов идеологии дошло: это не просто клоунада — это что-то значительно большее. После Праги Енгибарова выпустили только в Польшу и Румынию.

На московский манеж Енгибаров за всю жизнь был допущен всего три раза. Его опасно было показывать проницательной московской публике, слишком уж прозрачен был подтекст в его клоунадах. Но когда он все же работал в Москве, каждый вечер — аншлаг.

Енгибарова любили, просто обожали драматические актеры, они видели, какую он берет высоту. Когда на его выступлении впервые побывал Ролан Быков, он так был потрясен, что в антракте помчался за кулисы и с порога выпалил: «Вы — гений!», на что Енгибаров ответил: «Вы — тоже». И с этой минуты они — друзья.

Высоцкий относился к Енгибарову с бесконечной нежностью, как к существу иной природы. Песня про канатоходца — это о нем, о Енгибаре. Странное и горькое совпадение: Енгибаров умер 25 июля 1972 года, Высоцкий — через восемь лет, ровно в этот же день. И на Ваганькове они близко, рядом, как были рядом в искусстве и в жизни...

Но, кроме клоунад для манежа, у Енгибарова были еще пантомимы для сцены. И на сцене он был Мастер: комик и трагик в одном лице. Рядом с веселыми, озорными пантомимами, такими, как «Лестница», «Укротитель», «На вокзале», полная драматизма «Жизнь женщины» и доводящая до мурашек по коже «Клетка». «Клетку» ему подарил Марсель Марсо — в знак признания мастерства. «Клетка» — может быть, самая страшная пантомима во всей истории молчаливого жанра. И лучше, чем кому бы то ни было, эта пантомима понятна русскому зрителю.

...Человек с ужасом обнаруживает, что он — в клетке. Он мечется в замкнутом пространстве, пытается найти выход — и не находит. Тогда он с огромным усилием раздвигает прутья и — выбирается из клетки. Радостный, он продолжает свой путь и вдруг — снова натывается на прутья. Он опять ищет выход, опять раздвигает прутья, выходит — и...

опять оказывается в клетке! Прошло тридцать лет, сменилась эпоха, но покажи сейчас Енгибаров пантомиму «Клетка» — и русский человек скажет: это про меня.

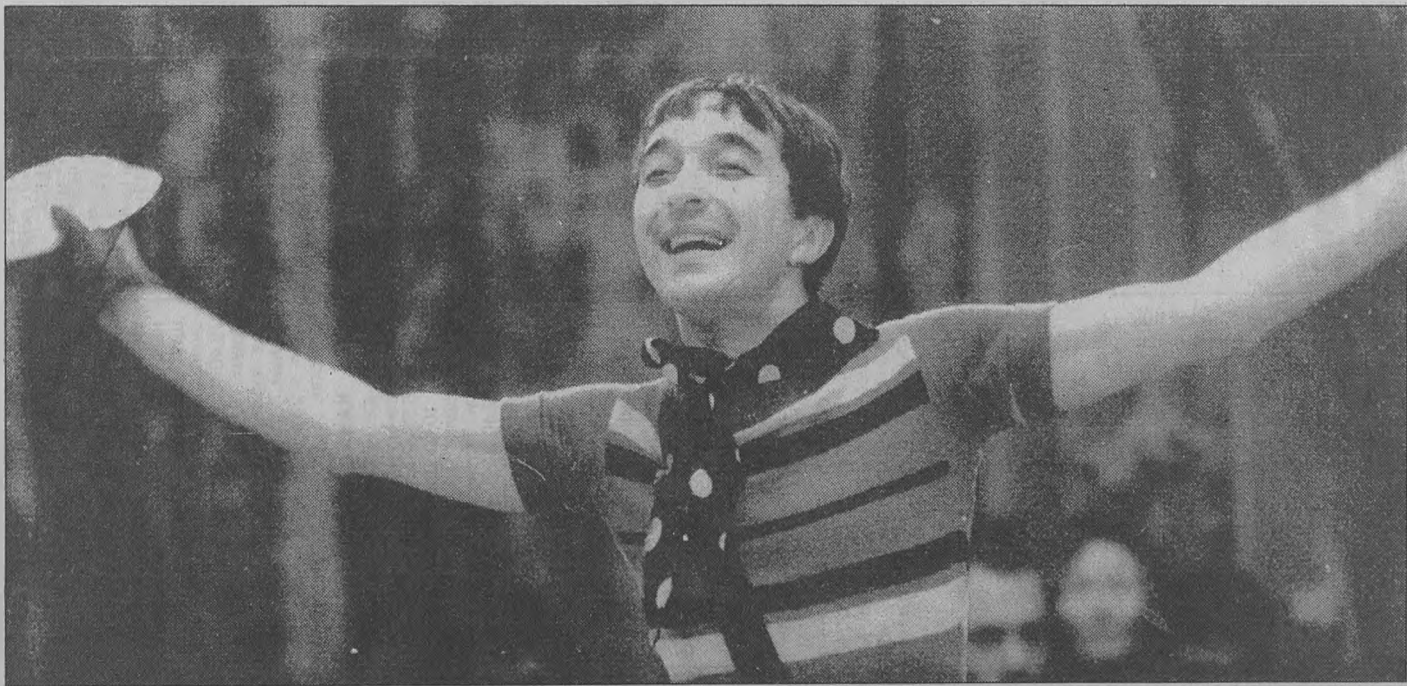
Енгибаровские вечера пантомимы в Москве, Ленинграде, ближней и дальней провинции произвели настоящий переворот в умах. У молодежи началось повальное увлечение пантомимой. Многие открыли для себя удивительную возможность — говорить обо всем молча. Пантомима стала спасательным кругом от немоты.

Он снялся в шести картинах. Сыграл немого мальчика в знаменитом параджановском фильме «Тени забытых предков». Это лучшая кинороль Енгибарова. В фильмах «Путь на арену», «2-Леонид-2», «Печки-лапочки» и «Ожерелье для моей любимой» Енгибаров сыграл клоуна. Но в жизни Енгибаров был неизмеримо богаче и сложнее, чем его персонажи. Самый достоверный фильм — документальный «Знакомьтесь, Леонид Енгибаров!» У всех этих фильмов есть великая ценность: кинолента сохранила енгибаровские клоунады и пантомимы. Не все, не целиком, но все же...

Родился же гениальный клоун в Москве, в Марьиной Роще, в семье повара и портнихи. 15 марта 1935 года. Всю жизнь прожил в старом одноэтажном доме напротив церкви Нечаянной Радости. Он очень любил Марьину Рощу и этот дом.

Армянин по отцу и русский по матери, Енгибаров от отца унаследовал южный темперамент, а также потребность в философском осмыслении мира, от матери — поэтическую нежность души. Обожал стихи. Зачитывался античными философами. Любимый художник — Ван Гог, любимый музыкант — Луи Армстронг, любимое время года — осень.

В последний год жизни зрители тридцати двух городов увидели его спектакль «Причуды клоуна», где было все — и клоунада, и пантомима, и удивительные енгибаровские новеллы. Он был еще и поэтом. Тонкая книжечка «Первый раунд» вышла за год до его смерти. В 1971 году в Ереване. И жизненный предел ему был положен, как многим поэтам: 37 лет.

Великий клоун Енгибаров. Фото ИТАР-ТАСС